

Игорь Метальский

Унесенная ветром

Рассказ

Игорь Метальский

Унесенная ветром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68809953

SelfPub; 2023

Аннотация

Что будет, если тебя вдруг унесет в таинственную черную дыру? Пропадешь? Или вернешь свою любовь?

Игорь Метальский

Унесенная ветром

2015

– Бэла, ты куда? Мы в пять двадцать все закроем.

– Да знаю, знаю я. Катнись и назад...

– В Джахиму не ходи одна... У тебя в семь караоке, ты поешь, не забыла?

Паша покачал головой. Похоже, последний вопрос Бэла уже не слышала. Привычно взявшись левой рукой за переднюю петлю доски, а правой за гик, она резво дотащила снаряжение до воды, дождалась паузы между прибойными волнами, бросила доску на воду, и тут же вскочила на нее, подняв парус. А еще через несколько секунд доска с парусом и повисшей на нем стройной светловолосой фигуркой уже летела, быстро уменьшаясь, прочь от берега. Ветер к концу дня усилился и украсил море орнаментом из холмиков и белых барашков. Паша подавил тревожное чувство и вернулся к стойке серфстанции. Его поджидала галдящая очередь вернувшихся с воды и жаждущих сдать снаряжение гостей. Был уже пятый час, да и ветер был уже сильноват для чайников, так что на воде почти никого не осталось. Вот ведь, понесло девку в море на ночь глядя...

Доска летела, подскакивая на мелких волнах со своим обычным *дык-дык-дык*, и Бэла чувствовала, что ей становится легче с каждой минутой. Она ощущала приятную надежность привычной стойки – руки на гике, вес на трапедии, ноги подправляют курс, чтобы уворачиваться от набегающих барашков. Ветер был сильный, и это было хорошо! Ветер помогал забыть стылую тоску, накатившую на нее час назад после прощания с Антоном. Они расстались минимум на год... или навсегда? Это были какие-то безумные две недели: познакомились на вечеринке в день его приезда и в самом деле как будто оба с ума сошли... а теперь он укатил обратно в свой Лондон, доучиваться. А чего еще было ожидать? Приехал, покатался и уехал, как все. Поток любителей винд- и кайтсерфинга не иссякал здесь круглый год. Русские, англичане, поляки... и вообще все Европа. А ей повезло: она здесь, в Санхуре, *живет*. Уже второй сезон, рядом с другими русскими, ничуть не скучая по сырой Москве. И развлекает этот турпоток пением на вечеринках, благо бог подарил слух и голос.

Не прошло и десяти минут, как она долетела до Бобика, маленького вытянутого островка, отделяющего основную зону катания от открытого моря. Бэла отцепилась от трапедии, сделала резкий тормозящий поворот перед самым берегом и спрыгнула с доски, оказавшись по колено в воде. Она втащила доску и парус на песок и плюхнулась на живот, отдыхая.

Она всегда любила посидеть тут днем на песчаном берегу, укрывшись за бугром от всегдашнего ветра, и понаблюдать за беззвучно летающими в отдалении по синей воде яркими цветными парусами и змеями. Но сейчас, в пятом часу вечера, море была уже не синим, а серым, и на воде никого не было. Ну и ладно. Вот полежу тут немного, и назад.

Или сгонять в Джахиму? Хоть пару галсов по настоящим волнам... Джахимой называли акваторию дальше за Бобиком, и туда вообще-то не полагалось ходить в одиночку. Бродили какие-то дурацкие слухи о странных волнах, пропавших людях... никто в них всерьез не верил, просто считалось небезопасным ходить туда одному, и все. Впрочем, многие этим правилом пренебрегали – кто хорошо катается. Бэла бывала там сто тысяч раз.

Да, сгоняю. Попрыгаю, и назад. Успею к закрытию станции, а потом домой. Должно полегчать. Любовь любовью, а жизнь продолжается.

Самолет завыл, быстро наращивая скорость, задрал нос в небо и оторвался от взлетной полосы. Антон откинулся в кресле и закрыл глаза. Отпуск получился потрясающий. Катнули с братом здорово – почти все дни ветреные – да еще и с местной девчонкой роман лихой закрутился. Аж уезжать неохота.

– Ну что, Тошка, влюбился? – Стас, на правах старшего брата, мог подразнить, поучить и посоветовать. Антон повернул голову и открыл глаза.

– Ты знаешь, вот реально неохота в эту сырость возвращаться. Может, академ взять, как думаешь?

Стас хмыкнул.

– Ты сам-то понял, что сказал? Ты чем тут заниматься будешь? Чайников дрессировать?

– Да хоть и чайников... Клевая тут у них жизнь! Море да рыбки, паруса да девчонки... Весь год в шортах. Кальяны под пальмами.

– Антон, не дури. Отец в твою учебу кучу бабок вбухал. Тебя ждет карьера. Потерпи еще лет пять, будешь кататься по всему миру. Я вот уже и на Гаваях был, и на Арубе. Там каталка еще круче, чем на Красном море.

Антон не ответил. Слова брата не убедили его. Он отвернулся и снова закрыл глаза, и тотчас полетел на доске по волнам, то лазурным, то синим... какая красотища! а вечером его ждала очередная вечеринка и его хрупкая певунья... а назавтра они вместе неслись до Бобика и дальше, в Джахиму, где уже не было чайников, а только ребята с хорошим уровнем.

Ждать еще год? Или пять лет? Черт! Это очень, очень долго.

Вот это класс! Здесь были волны высотой в мачту, не то что там, в учебной акватории. Бэла разгонялась, потом, выбрав покруче склон, взлетала в воздух, успев сверху окинуть взглядом море, далекий берег и катившееся за горы солнце, и приводнялась в фонтан брызг. Она уже сделала свои два галса, с отличными прыжками, но решила сделать еще два – это ведь всего десять минут – и потом сразу двинуть к берегу.

Ну что, еще один прыжок, потом разворот, и пора назад. Она чувствовала, что ветер еще усилился, и временами с трудом удерживала парус в руках. Впереди отличная волна, закутанная в пену и брызги, закрыла горизонт крутым склоном, с которого можно взлететь вверх метра на два-три. Разгоняемся... Бэла настигла мощную гладкую спину волны и, как ракета, понеслась по ней вверх на взлет, влекомая мощным порывом ветра. Толчок ногами, отрыв... взлетев высоко над водой и поджав ноги в группировке, Бэла в верхней точке полета опять на секунду глянула на далекий берег и потом перевела глаза вниз, чтобы поймать точку приводнения... но ничего не увидела. Ни обратного склона волны, ни следующей волны. Она увидела какую-то странную черноту. Солнце было уже совсем низко, и за волнами были глубокие тени, но эта чернота была *не тенью*. Как будто какая-то дыра, пустота, или наоборот, что-то плоское и кромешно-черное плавало точно под ней на поверхности между волнами. Если это что-то твердое, то она переломает все снаряжение, да и

руки-ноги, падать-то далеко... Ей вдруг стало очень страшно. Она успела на долю секунды бросить еще один взгляд на далекий берег и, вместе с доской и парусом – ноги в петлях, гик в руках – камнем полетела вниз. Прямо в черноту.

2025

– Ну что злишься? Это ведь просто планы на отпуск. Не раздел имущества, не измена... это, в конце концов, не так уж и важно.

– Ничего себе неважно! Антон, ты что, не слышишь меня? Я же сказала тебе: надоело мне кататься. И в Санхур я не хочу. Не-хо-чу.

– Да чем Канары-то лучше?

– Я и на Канары не хочу. Достал уже меня этот адреналиновый отдых. И жара эта достала. Хочу в Москву. Для разнообразия. По осеннему лесу погулять. Листочки желтые и красные пособирать.

– Бэла, мы пять лет уже в Испании, а ты все никак к жаре не привыкнешь. Чего сейчас хорошего в Москве? Слякоть да холод.

Антон был в Москве совсем недавно, по работе. Ему совершенно не хотелось на родину. Летом еще куда ни шло, ну или наоборот, зимой – в Сочи или Домбай. Но сейчас, в

ноябре?

Бэла вскочила, и забегала по комнате. Антон невольно залюбовался: сейчас, после восьми лет брака, она оставалась все такой же хрупко-стройной и красивой. Она внезапно остановилась и снова села напротив, убрав светлую челку со лба, что обычно было признаком раздражения.

– Вот что, муж. Давай сделаем вот как. Кто куда хочет, тот туда и едет. Как ты на это смотришь? В конце концов, мы с тобой свободные люди. Разделимся на пару недель, ничего страшного.

Антон помолчал. Эта идея давно сидела у него в голове, но он не решался ею поделиться. И вот предложение высказано женой. У каждого была своя работа, и они довольно часто расставались из-за командировок. А после командировок не задавали друг другу лишних вопросов. Но в отпуск до сих пор всегда ездили вместе.

Что ж, может быть, и к лучшему. Он вздохнул.

– Да, наверно, ты права. Почему бы и не разделить. На пару недель. – Он криво усмехнулся.

– Ну и отлично. – Бэла снова встала. Дискуссия была окончена.

– Димон, привет! Небось не помнишь меня? – Антон не мог сдержать восторг. Давненько он тут не был... все изме-

нилось. Станция теперь в два раза больше, и называется по-другому.

– Подожди... Антон? Блин, ты изменился! Да, помню, помню... На Канарах мы с тобой катались, лет пять назад... так?

– Точно, молодец! Вот и до вас доехал опять. Как тут жизнь?

– Да нормально. Станция владельца поменяла недавно опять... Теперь отель русским принадлежит, всю сеть наши купили.

– А Паша тут когда-то трудился на твоём месте, нет его больше?

– Павел Андреевич теперь в отеле менеджер, все у него в порядке. Эй, Ахмед, видишь, вон индивидуум на воде руками машет? Спасешь? Ага, спасибо. – Димон отвлекся, но потом снова повернулся к Антону. – Ты когда приехал?

– Да сегодня.

– Вовремя, как раз сегодня и задуло. Ну что, готов на воду?

– А успею? Пятый час уже.

– Часок успеешь погонять.

– Супер, тогда готов! Дай мне досточку литров на сто... и парус метров пять, есть такой?

– Конечно! Тебе доску нормальную или надувную?

– Нормальную, конечно.

– Эй, Мухамед, подбери оборудование человеку плиз, по-

шустрее! Антон, на всякий случай, телефон наш вон висит. Уже у тебя в аппарате должен быть, тут у нас теперь все автоматически.

Через пятнадцать минут Антон уже летел по знакомой, хоть и подзабытой акватории к Бобику. Тут коралл, надо полее пройти... дальше еще один. Он испытывал странное чувство, как будто он вернулся на десять лет назад. Сейчас он дойдет до Бобика, потом погоняет в Джахиме и вернется назад, и его будет ждать на берегу та, хрупкая юная Бэла. Ей-то уже это каталово поднадоело, она выходит только в серьезный ветер. Он вернет доску и парус на станцию и плюхнет на песок отдыхать, а она уляжется рядом, придвинется поближе и положит голову ему на локоть... А вечером она будет петь на вечеринке, а между песнями иногда подбегать к нему, чтобы быстро чмокнуть и снова убежать...

Антон долетел до Бобика и решил не поворачивать, а сразу пойти в Джахиму. Парусов там, правда, уже не видно, но ничего страшного. Сегодня ветер несильный, волны небольшие, телефон на ухе, если что.

Он вышел на волны и понесся по горкам, то поднимаясь на вершины, то скатываясь в ямы, и чувствовал восторг и умиротворение одновременно. Как будто он вернулся в полузабытое место, где бывал в юности. Да так оно и было на самом деле.

И вдруг, взлетев на очередной водяной бугор, он увидел нечто странное.

Впереди и выше по ветру то появлялся, то пропадал за волнами крупный вытянутый предмет. Присмотревшись, Антон различил доску и лежащего на ней человека. Какая-то проблема там, похоже. Чтобы подойти ближе, Антону надо было лавировать: уйти далеко вперед, *вырезаясь* на ветер, потом развернуться и так же вырезаться назад. Он снизил скорость, приоткрыв парус, и попытался рассмотреть на расстоянии, что происходит. Да, точно там что-то случилось: человек лежал на доске и не шевелился.

Антон тронул кнопку вызова.

– Дим, это Антон, я в Джахиме, тут чел какой-то на доске валяется... Парус в воде... Больше нет никого. Метров двести за Бобиком и выше по ветру. Да, присылай катер! Лучше двоих, а то он безжизненный какой-то!

Он снова закрыл парус и набрал скорость, уходя в море. Минут через пять он развернулся и стал возвращаться, стараясь подойти точно к месту происшествия. Это ему удалось почти одновременно с подлетевшим катером. Антон подошел ближе, бросил парус в воду и сел на свою доску, качаясь на волнах метрах в двадцати от катера и жертвы. Елки-палки, да это девушка! Через нос ее доски шла здоровенная трещина, а мачта была надломлена в середине. Девушка лежала на доске лицом вниз, зацепившись крючком трапеции за петлю, и не шевелилась. Ахмед и его помощник старались втащить ее на катер.

– Ахмед, помощь нужна?

– Нет, друг, справимся! Спасибо!

Антон все же подождал, сидя на доске, пока спасатели втащили на катер вначале девушку, а потом доску и парус. Взревел двигатель, катер развернулся и пошел к берегу, подлетая на волнах. Антон тоже стартовал и двинул вслед за ними. Что же у нее тут случилось? Поломки серьезные... Странно.

Через десять минут он без приключений дошел до берега, прыгнул с доски и затащил снаряж на коврик у станции. Солнце уже было совсем низко, на воде почти никого не было, арабы уже занимались уборкой перед закрытием станции.

– Димон, ну что там с этой... жертвой? Живая хоть?

– Да, но переохлаждение сильное, похоже. Пока не очухалась. Доктора из отеля вызвали.

– Ваша?

– Неа, вообще не знаем кто такая. Доска очень старая на вид, да и парус тоже. Да вон она, в чилауте, на коврике. Одежлом накрыли. Пульс есть, но редкий. Тут врач обнаружился среди гостей, колдует там с ней чего-то.

Антон подошел к низкому топчану, на котором лежала пострадавшая. Человек, сидевший около топчана, подвинулся, и Антон увидел бледное лицо девушки, с закрытыми глазами. Сердце его забыло сделать сразу несколько ударов. Светлая челка, тонкие черты. Это было лицо Бэлы. Той самой, из его воспоминаний.

Чернота... холод... вверх... вниз... без остановки... одно и то же.. время остановилось... Но покачивание почему-то прекратилось, и чернота сменилась мутным светом, проби- вающимся сквозь закрытые веки... это загробная жизнь? или меня нашли?

– Смотри, веки дрожат... Очнулась, похоже.

Голос? О господи, меня нашли... Я чем-то накрыта... что со мной было? Бэла приоткрыла глаза. Из нерезкого пятна сфокусировалась физиономия какого-то мужика.

– Здравствуйте. Вы меня слышите? Если слышите, кивните или моргните.

Бэла попробовала кивнуть. Вроде получилось.

– Можете говорить? Если можете, скажите ваше имя.

– ... Бэла... – получился шепот. Но губы слушаются. Интересно, а руки и ноги будут слушаться? Она попробовала пошевелить пальцами руки... и вдруг почувствовала, как ее кто-то взял за руку. Это было приятно, и ей захотелось улыбнуться. Наверно, это тоже получилось.

– Бэла, вы помните, где вы живете? – тот же голос, продолжает допрос.

– Да... Санхур, Альсура стрит... – она услышала свой голос.

– Очень хорошо! Вы знаете, какой сейчас год?

– Две тысячи... пятнадцатый.

Голос замолчал. Она ощутила, что рука, державшая ее ла-

донь, чуть сжалась... ласково. Голос откашлялся.

– Вот что, господа. Ей надо поспать. Никаких серьезных травм я не вижу, только переохлаждение. И лекарство ей вкололи. Давайте-ка оставим ее в покое. Я думаю, через сутки-двое она будет в полном порядке.

Физиономия исчезла и на ее месте появилось другое лицо. О господи... Стас? Или Антон? Они так похожи... Нет, не может быть, они оба улетели. Но лицо не исчезало, оно придвинулось совсем близко... губы коснулись ее щеки. Рука снова сжала ее руку. Все-таки это Антон, только какой-то не такой. Очень взрослый. Откуда он тут взялся? Что со мной случилось? Бэла почувствовала, что глаза ее закрылись... и она провалилась в сон.

– Тошка, мне никто не верит... Все смотрят так, с сочувствием... думают, я чокнулась.

– Они правы. Ты чокнулась, я чокнулся, Паша чокнулся. Все прочие, которые тебя не знали никогда, они нормальные. Чудес-то не бывает... у них. Ты предкам позвонила, наконец?

Бэла вздохнула. Они сидели за столиком в прибрежном баре, держась за руки. Солнце собиралось уйти за гору, ветер полностью стих, белесое море слилось с небом. Вдоль кромки воды по песку проплыли два верблюда, везя на горбах ту-

ристов.

– Да, сегодня позвонила. Когда ты катался. Полчаса убеждала, что я их дочь родная. Не знаю, поверили или нет. Но собрались вылететь завтра.

– У них как вообще со здоровьем? Такую встречу не каждый вынесет. С пропавшим ребенком – через десять лет. Хотя... по крайней мере, ты будешь как раз такой, какой осталась в их памяти. И они примкнут к группе чокнутых.

– Спортсмены бывшие... надеюсь, выдержат. – Бэла помолчала. – Ты точно решил остаться?

– Да. Пока на две недели. На работе уже договорился. Наплел им про здоровье, что лечусь, и прочую хрень. Там у нас к здоровью работников серьезно относятся, не то что в России.

– Ты же там топ-менеджер?

– Ничего, у меня зам есть.

Они снова помолчали.

– Антон... тебе еще надо один звонок сделать...

– Я знаю. Завтра. Сейчас не хочу.

Солнце, наконец, свалилось за гору, и сразу стало прохладно. Бэла поежилась. В этой новой жизни она оказалась ужасной мерзлячкой. Но к воде она уже стала привыкать, и даже сегодня чуть-чуть катнулась. Все получилось. Оказывается, ее тело помнило все движения: она легко стартовала и сделала два галса – в море и обратно.

– Ты мерзнешь. Пойдем?

Бэла молча кивнула, снова поежившись, и они, так и не расцепив рук, встали и двинулись в отель.

– Алло... Привет. Как там в Москве? Ага, хорошо. Ты завтра возвращаешься? Да... да, еще в Санхуре. Нет, все нормально, но... послушай, я должен тебе сказать... в общем, я завтра не прилечу. Тут у меня обстоятельства серьезные... короче, не могу. Через две недели. Мне сложно по телефону объяснить... давай, когда я приеду, хорошо? Да, на работе договорился. Да. Послушай, крики ничему не помогут... Я приеду, и все решим. Алло?

Гудки. Жена бросила трубку.

Антон вздохнул. Вообще-то, к этому и так все шло. Если ты убежал от своей настоящей любви, а потом женился на воображаемой... лишь потому, что она похожа на ту, настоящую... но прошлую (вот ведь парадокс – прошлая, но настоящая)... да еще и зовут ее так же... наверно, разрыва не избежать.

Но прошлое стало настоящим. Нам, чокнутым, жизнь дает второй шанс. И на этот раз я его не упущу.

(с)2015 Игорь Метальский